

Спустя полчаса жидкость в капельнице, висевшей слева от больничной койки Цзи Мяня, закончилась. Опустел даже небольшой резервуар над регулятором скорости инфузии.

Система была вынуждена вмешаться.

[Пошёл обратный ток крови.]

Давления в тонкой пластиковой трубке не хватало, и кровь начала подниматься вверх. Нижние десять сантиметров катетера уже окрасились в багровый цвет.

Цзи Мянь приподнялся, с трудом садясь. Одно это движение далось новому телу с огромным усилием. Он протянул руку, сдвинул колёсико регулятора в самое нижнее положение и нажал кнопку вызова медсестры.

— Двадцать четвёртая палата? — раздался голос из динамика.

— Пожалуйста, смените мне капельницу.

Действия Цзи Мяня были на удивление спокойны, разительно отличаясь от его растерянности в первом мире. Он словно стал другим человеком.

Система невольно отметила, насколько повзрослел её носитель. Казалось, многие его чувства остались в прошлом мире, вместе с Дуань Чжо. Для выполнения заданий это было, несомненно, хорошо. Но что это значило для самого Цзи Мяня, Система не могла судить.

В ожидании медсестры Цзи Мянь осмотрел палату. Одноместная, оснащённая лучше, чем обычные, с полами, отполированными до зеркального блеска. Судя по всему, первоначальный владелец этого тела был человеком обеспеченным и занимал не последнее положение в обществе.

Окно было приоткрыто лишь на узкую щель, сквозь которую просачивался слабый тёплый ветерок. Он коснулся правой руки Цзи Мяня, лежавшей на белоснежном одеяле.

Рука была на удивление красивой: длинные пальцы, чётко очерченные суставы. Бледность кожи соперничала с белизной больничного белья, и было неясно, что из них холоднее. Кожа этого тела казалась тоньше, чем у обычных людей. Вены на тыльной стороне правой ладони проступали тёмной синевой, настолько отчётливо, словно лежали прямо на поверхности, ничем не прикрытые. Подобное зрелище могло бы вызвать у некоторых неприятные ощущения.

Дверь палаты открылась, и вошла медсестра с медицинской тележкой. Она сноровисто

сменила капельницу.

— Готово, господин Сюй. Если что-то понадобится, сразу вызывайте, — её тон был очень вежлив.

— Спасибо.

— Не стоит, это моя работа. — Медсестра покраснела и, понизив голос, добавила: — Если придёт господин Цинь, не могли бы вы попросить у него автограф Вэнь Юя для меня?

Цзи Мянь, ещё не до конца разобравшись в ситуации, интуитивно улыбнулся.

— Хорошо.

Получив утвердительный ответ, медсестра, сияя от счастья, выпорхнула из палаты.

[Хотите получить информацию о сюжете сейчас?]

[Да.]

Чужие воспоминания хлынули потоком. Цзи Мянь закрыл глаза.

В этом мире было два главных героя. Один — тот самый «господин Цинь», о котором говорила медсестра, по имени Цинь Янь, главный герой-гун. Второй — главный герой-шоу, Сюй Чжися, который приходился родным младшим братом телу Цзи Мяня.

Новое имя Цзи Мяня было Сюй Чицю. В этом мире он — болезненный и злой мужской персонаж второго плана.

Сюй Чицю с детства был слаб здоровьем. Хотя родители и проявляли о нём заботу, с рождением второго ребёнка их внимание к старшему сыну заметно ослабло. Семья Сюй была довольно состоятельной, настоящим малым кланом, и никогда не отказывала первоначальному владельцу тела в материальных благах. Но его эмоциональные потребности оставались без внимания.

Именно тогда юный господин семьи Цинь, тот самый Цинь Янь, переехавший в соседний дом, обратил внимание на своего одинокого сверстника. В то время Цинь Янь, одиннадцатилетний мальчишка, был ещё далёк от своего нынешнего образа холодного и сдержанного мужчины. Сюй Чицю, тихий и болезненный, казался невероятно послушным, что особенно нравилось детям в таком возрасте.

Они, естественно, стали друзьями.

Хотя они были ровесниками, Сюй Чицю выглядел так, будто был рождён для того, чтобы его защищали. Цинь Янь взял на себя роль старшего брата и во всём опекал его.

Но в сердце Сюй Чицю Цинь Янь стал единственным источником, заполнявшим пустоту. С годами эта зависимость крепла, превратившись в главную опору его жизни. И дружба, с его стороны, приобрела иной оттенок.

Он полюбил Цинь Яна.

Из-за слабого здоровья Сюй Чицю с детства привык терпеть боль. Слово «терпеть» стало для него таким же обыденным, как еда и вода. Он прекрасно понимал, что Цинь Янь не любит его, а видит в нём лишь хорошего друга, и потому скрывал свои чувства.

Он терпел слишком долго. Подавляемая любовь к Цинь Яню и муки болезни постепенно искажали его душу. Первые признаки патологии проявились ещё в средней школе.

В восьмом классе его десятилетний брат Сюй Чжися случайно разбил дома вазу. Сюй Чицю, находясь в своей комнате, услышал звон разбитого фарфора, и его охватила извращённая радость. Их отец был коллекционером антиквариата, и многие предметы в доме были куплены им на аукционах за баснословные деньги. Он приходил в ярость, даже если прислуга использовала для уборки неподходящие средства.

Сюй Чицю давно ненавидел своего брата и, услышав, что тот разбил отцовское сокровище, наивно понадеялся, что это уменьшит любовь отца к младшему сыну. Он намеренно выждал несколько минут, пока Сюй Чжися в панике уберёт осколки, и только потом вышел из комнаты.

Однако, к его глубочайшему разочарованию, разбитая ваза оказалась обычной безделушкой, дешёвой поделкой из торгового центра.

Собираясь вернуться к себе, он случайно заметил на полу блестящий острый осколок — Сюй Чжися в спешке убрал не всё.

Сюй Чицю несколько секунд смотрел на осколок, а затем снял тапочки и босой ногой наступил на него.

Тонкая кожа была пронзена. Алая кровь мгновенно хлынула наружу, растекаясь по белому кафелю причудливым лабиринтом и за пару минут окрасив его в багровый цвет.

Шрамы от тех порезов видны на его ступнях до сих пор. Результат превзошёл все ожидания. С тех пор родители окружали Сюй Чицю безграничной заботой, а Сюй Чжися, мучимый чувством вины, стал послушен ему во всём, никогда не переча старшему брату.

Сюй Чицю упивался сладким чувством мести, но в то же время панически боялся, что Цинь Янь увидит изъяны на его теле. Он был воплощением одержимости и противоречий.

Позже Сюй Чицю и Цинь Янь поступили в один и тот же престижный университет. Однако Сюй Чицю не смог его закончить: его здоровье ухудшалось с каждым днём, и он был вынужден взять академический отпуск для длительного лечения в больнице.

В его искажённом сознании именно с этого момента всё в жизни пошло наперекосяк.

Вскоре после того, как он оставил учёбу, его брат Сюй Чжися тоже успешно сдал экзамены и поступил в университет А. Хотя он и был на четыре года младше, благодаря тому, что перескочил через класс в средней школе, разница в курсах составляла всего три года.

С тех пор Сюй Чицю заметил, что Цинь Янь стал навещать его в больнице всё реже, и часто приходил вместе с Сюй Чжися. Даже когда Цинь Янь уже два года как окончил университет, а Сюй Чжися был на третьем курсе, они всё равно договаривались и приходили вместе, что вызывало у Сюй Чицю отвращение.

Да, он ненавидел этого брата, укравшего у него внимание и любовь родителей, пусть даже Сюй Чжися всегда восхищался им.

Несколько дней назад Сюй Чицю наконец осознал, что взгляд Цинь Яня на Сюй Чжися был особенным. Он, столько лет влюблённый в Цинь Яня, сразу понял: тот влюбился в его брата. Это открытие было унижительным. За ним последовала всепоглощающая ревность, которая окончательно испепелила и без того изъеденное болезнью сердце.

Под влиянием этих чувств он совершил множество безумных, даже чудовищных поступков, пытаясь помешать их отношениям, но в итоге был разоблачён Цинь Янем. Его подлость открылась родителям, друзьям и самому Сюй Чжися. Он сам вырыл себе могилу.

Сейчас шёл третий день с того момента, как Сюй Чицю осознал чувства Цинь Яня к его брату.

[Из-за особенностей этого мира тебе нужно будет скрывать свою любовь к Цинь Яню от главных героев до самого финала, когда правда раскроется. Поскольку тебе придётся скрывать свои чувства, источников получения очков глубокой привязанности будет мало. Поэтому все заработанные в этом мире очки будут удвоены.]

Даже с удвоением очков задача казалась непростой.

[Я понял], — ответил Цзи Мянь.

Дверь палаты снова открылась, но на этот раз вошёл не медперсонал.

Вошедший был высок и строен. Тёмный костюм сидел на нём безупречно. Во взгляде его читался холод, от него веяло властью. Но когда он увидел человека на кровати, иней в его глазах начал таять.

— Чицю.

Цзи Мянью, словно почувствовав его появление, поднял голову, только когда Цинь Янь заговорил.

— Ты пришёл.

Он незаметно бросил взгляд в сторону — Сюй Чжися, этого назойливого типа, рядом не было.

— Как ты себя чувствуешь? — Цинь Янь подошёл ближе и положил принесённые гостинцы в шкафчик.

На кровати Цзи Мянью заставил себя войти в роль. Он слегка тронул губы, и на его бледном лице появилась живая улыбка.

— Не знаю, лучше ли мне, но если я посижу здесь ещё немного, то точно умру от скуки.

Цинь Янь усмехнулся. Он достал из пакета с фруктами ярко-жёлтый апельсин.

— Съешь фрукт?

Аппетита у Цзи Мянью не было. Точнее, у этого тела его не бывало никогда. Но от угощений Цинь Яня он не отказывался.

Он кивнул.

Цинь Янь сел рядом и, взяв нож для фруктов, срезал верхушку и основание апельсина, затем ловко сделал пять надрезов на кожуре. Отделив мякоть, он нарезал её на дольки и протянул Сюй Чицю.

Цзи Мянью взял одну и положил в рот. Сладкий сок наполнил горло, вызывая приступ тошноты.

Это была естественная реакция тела. Даже сам Цзи Мянью удивился подступившему к горлу комку.

«Он даже фрукты есть не может?» — мысленно спросил он.

Он знал, что во время болезни может тошнить от жирной пищи, но чтобы от фруктов?

[Да, иначе Сюй Чицю не был бы таким худым], — ответила Система.

Цзи Мяннь окинул взглядом своё тело. Действительно, худоба была чрезмерной. Выпирающие кости запястий, руки, на которых почти не было плоти, — хорошо, что больничная одежда всё это скрывала.

Цинь Янь протянул ему ещё одну дольку. Цзи Мяннь, подавляя отвращение, принял её.

— Если тебе скучно... — Цинь Янь смотрел на его лицо, на то, как он тихо жевал, и неуверенно начал: — Послезавтра будет приём. Второй сын семьи Линь женится. Приглашены многие знаменитости и звёзды. Праздник пройдёт на круизном лайнере, меня тоже пригласили.

Он тут же покачал головой, отмечая собственное предложение.

— Хотя нет, это не лучшая идея. Там будет слишком шумно, да и три дня в море могут навредить твоему здоровью.

Хоть на лайнере и будет медицинский персонал, для слабого здоровья Сюй Чицю это всё равно риск.

— Три дня? — Цзи Мяннь склонил голову набок, изображая интерес. — Всё время в море?

Его интересовал не трёхдневный праздник, а возможность провести три дня наедине с Цинь Янем.

— Да, но твоё здоровье...

— Я хочу поехать, — он посмотрел на него с надеждой.

— ...Хорошо, — Цинь Янь устало вздохнул. — Тогда я возьму с собой и Чжися. Он ещё учится, ему понравятся такие развлечения. И вы, братья, сможете провести время вместе.

Улыбка Цзи Мяння застыла.

— Чицю? — заметив, что он молчит, Цинь Янь нахмурился.

— М? А... конечно, это было бы здорово, — с трудом выдавил из себя Цзи Мяннь, сохраняя улыбку.

После этого говорить ему больше не хотелось.

Они сидели в тишине. Цинь Яню стало не по себе.

Сюй Чицю был не похож на своего брата. Сюй Чжися с детства был словно маленькое солнышко, всегда полный энергии, его ясный, невинный взгляд с лёгкостью поднимал настроение окружающим.

А Сюй Чицю, честно говоря, был слишком замкнутым. Хотя в детстве Цинь Янь был ближе с ним, на самом деле ему больше нравилось играть с весёлым и открытым Сюй Чжися. Он проводил больше времени со старшим братом лишь из жалости к его слабому здоровью.

Он посмотрел на Сюй Чицю, который за всё это время так и не смог проглотить дольку апельсина, и, постукивая пальцами по колену, почувствовал, что ему не сидится на месте. Хотя они и были друзьями много лет, с годами терпения у Цинь Яня поубавилось.

За окном разошлись облака, и яркий солнечный луч проник в палату, упав прямо на кровать Сюй Чицю.

Тот сидел, опустив голову. Его ладонь, лежавшая на одеяле, перевернулась, и он осторожно накрыл ею луч света, словно поймал порхающую весеннюю бабочку.

Цинь Янь, увидев это, невольно замер.

<http://bllate.org/book/15358/1423145>